

Андрей Григорьевич Филонов

Очерки Дона

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А65

А65 **Андрей Григорьевич Филонов**
Очерки Дона / Андрей Григорьевич Филонов – М.: Книга по Требованию,
2013. – 200 с.

ISBN 978-5-518-10326-9

ISBN 978-5-518-10326-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ ВЪ НОВО-ЧЕРКАССКѢ.

(Письма къ товарищу въ Петербургѣ)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

«Що було на серци», какъ говорятъ Малороссы, то и выскажу тебѣ...

Не вспоминаю о тягостной для меня разлукѣ съ Петербургомъ, гдѣ я получилъ окончательное свое образованіе; не буду говорить объ отъѣздѣ изъ родины, гдѣ столько слезъ пролито во время моего провожанья: все это тебѣ понятно и безъ моего разсказа. А лучше сообщу, что я слышалъ на своей родинѣ о Донцахъ и Ново-Черкасскѣ, мѣстѣ моего назначенія.

Въ губернскомъ городѣ С-ѣ мнѣ случилось бесѣдовать съ уѣзднымъ учителемъ географіи, и, сознаюсь, онъ увлекъ меня, описывая жизнь въ Ново-Черкасскѣ. Ново-Черкасскѣ—на Дону, обильная земля географіи, рыбы тамъ множество; игра—ни по чѣмъ; винограду—сколько хочешь. «Земля Войска Донскаго благодатная земля!..»

Послѣ такихъ словъ я съ нетерпѣніемъ ждалъ отъѣзда въ Ново-Черкасскѣ, въ эту «Русскую Италію», какъ выразился одинъ изъ ученыхъ людей въ Петербургѣ, выхваляя мнѣ Землю Войска Донскаго.

Буду...

Мои путевыя мысли и чувства я не стану передавать. Скажу только, что я провѣждалъ много городовъ. Видѣлъ я благо-

каменную Москву, свѣтленькій Подольскъ, узко-длинный Серпуховъ, около котораго течеть Ока, такъ роскошно, такъ истинно-поэтически описанная *Д. Григоровичемъ* въ его романъ «Рыбаки»,—Тулу съ ея оружейнымъ заводомъ и грязнымъ мостомъ,—пустой городъ Богородицкое, — страшный за свою гору, изущую почти на версту все вверхъ и вверхъ, Елецъ: всѣ эти города не могу тебѣ описывать, потому что я видѣлъ ихъ только мелькомъ.

Передъ Задонскомъ, гдѣ покоятся мощи Преподобнаго Тихона, течеть Донецъ... «вонъ, баринъ, и Донъ!» сказалъ ямщикъ.

И до сихъ поръ не дамъ себѣ отчета, что за чувствованія пробудились во мнѣ, при взглядѣ на Донъ. Какая сила обновила зачухшее отъ непривычнаго пути сердце? Что такое было общаго между мною—юношею и Дономъ? Отчего я трепеталъ, какъ дитя, подѣзжая къ этой рѣкѣ?.. Мысли и мысли роились въ моей головѣ; чувства одно другаго грустнѣе закрадывались въ грудь....

Ямщикъ сталъ объяснять мнѣ происхожденіе Дона и, указывая въ даль, на озеро, откуда будто бы Донъ вышелъ, сказалъ: «Богъ благословилъ и—Донъ пошелъ.» Въ народѣ, значитъ, есть какое-то особенное преданіе о Донѣ; народъ не хочетъ вѣрить, чтобы такая рѣка, какъ Донъ, сама собою выросла въ дивную рѣку: «Богъ благословилъ и — Донъ пошелъ...»: слова знаменательныя!...

Оставляя описаніе свѣтлаго и благодатствованнаго св. Митрофаніемъ Воронежца, я передамъ тебѣ поразившій меня разговоръ ямщика о Землѣ Войска Донскаго, заставившій меня спѣшить въ Ново-Черкасскъ. Ямщикъ, вѣзавшій со мною теперь, имѣлъ случай коротко узнать Донъ почти весь, «плава» по немъ лѣсъ отъ Воронежа до Ростова,—и съ особеннымъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о Донцахъ: «вы только завалитесь за Воронежъ, такъ тамъ все ни по чемъ. Обѣдъ изъ трехъ кушаньевъ—пять, шесть копѣекъ, на ассигнаціи; казаки — народъ преласковый; навалать, бывало, тебѣ будокъ, винограду,—вшь не хочу. Тамъ вѣтъ, какъ у насъ, хлѣвовъ; лошади стоятъ прямо, на улицѣ. А посмотрите-ка на тамошніе табуны лошадей — вотъ чудо! Дикіе кони стерегутъ у стилей лошадей казацкихъ...» И много еще говорилъ ямщикъ, но я уже забылъ.

За Воронежемъ начинаются степи. Степи здѣшнія не похожи

па тѣ, которыя такъ неподражаемо описаны Гоголемъ въ его повѣсти «Тарасъ Бульба.» Быть можетъ Мало-русскія степи дѣйствительно таковы, какими онѣ вышли изъ-подъ его гениальнаго пера; здѣшнія же степи весьма обыкновенны. Перевѣзая ихъ, я даже усомнился въ вѣрности картины степей, изображенной не только Гоголемъ, но Кольцовымъ и Никитинымъ — жителями Воронежской Губерніи... А можетъ быть и я виною тому, что не усмотрѣлъ всей поэзіи степей.

Представь волнообразную поверхность земли, идущую на цѣлыя сотни верстѣ и ограждаемую лишь небосклономъ. Тебѣ покажется, что ты заѣхалъ въ чужой край: ибо нѣтъ синяго лѣсу, который такъ привѣтливо бесѣдуетъ съ тобою въ Русскихъ губерніяхъ; нѣтъ деревъ по дорогѣ, этихъ давнишнихъ сторожевыхъ проѣзжающаго; я не видалъ ни ржи, ни пшеницы; одни стоги сѣна стояли среди необъятнаго поля и надъ всѣмъ этимъ нескончаемымъ пространствомъ распростиралось небо, столь же безконечное, какъ безконеченъ Живущій на немъ...

Деревни и станицы, лежація по дорогѣ, весьма отличны по виду отъ Русскихъ деревень и городовъ: стѣны домовъ почти все обвѣлены штукатуркою; иные дома укутаны сверху до низу соломой; за неизмѣнимъ лѣсу, солома служитъ степняку своимъ тепломъ и грѣетъ его. Пусть снѣгъ завалитъ хату казака отъ крыши до земли; пусть замететъ вѣзу его; солома не пуститъ жданаго гостя въ свѣтелку и согрѣетъ ховяина съ его казачкою и казаками — дѣтьми. Не боится казакъ, что скрытъ отъ свѣту Божьяго; онъ выйдетъ здоровый изъ своего родимаго угла; проснется въ немъ старинная мощь, и докажетъ, что въ немъ бьется то же могучее сердце, которое билось у его предковъ, *Платовскихъ* молодцевъ, возросшихъ на стѣняхъ; готовъ казакъ послужить Россіи, всегда готовъ: стрѣлою, сжавъ крѣпко пику, пролетитъ онъ по степи и кто не увидитъ, что онъ—закаленное чело тѣхъ самыхъ казаковъ, которыми «гордился» покойный Императоръ, легшій во гробъ въ казачьемъ мундирѣ...

Вотъ уже третій день я ѣду по степямъ и третій же день, какъ меня занимаютъ все однѣ и тѣ же мысли. Остановишься на станиціи, и тебя непременно спросятъ: «а что у васъ, на Руси?» Удивительно! Казаки будто не считаютъ себя Русскими, и въ тоже время цѣлые полки ихъ берегутъ Россію. Они стоятъ за

Русь; они ея дѣти — всѣ отъ атамана до простаго казака; они Русскіе; въ нихъ та же православная вѣра, то же рвеніе за честь Царя, но все спрашиваютъ: «вы Русскій?» «вы изъ Россіи?..» Странно!.. Занятый такими мыслями, я подвѣзжалъ въ Ново-Червѣску.

Прощай!

16-го Января, 1856 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Было пасмурное Октябрьское утро; холодный вѣтеръ ходилъ по стенамъ и дулъ мнѣ прямо въ лице; старое и затанутое облаками небо стояло надо мною; сдѣлалось грустно, тяжело... Отчего давилось грустію сердце? Отчего печалень и, будто убитый, сидѣлъ я, по мѣрѣ приближенія къ давножеланному городу?—Не знаю...

Столбы ясно указывали, что уже тысячу семь сотъ верстъ я проѣхалъ отъ Петербурга, и только семнадцать верстъ осталось до окончанія моего пути; вотъ уже и она, эта знаменательная семнадцатая верста... Глажу пристально вдаль, и глаза, словно, окаменѣли на показавшемся въ полусумракѣ городѣ... Весь, весь я претворился теперь въ одно зрѣніе.—Я увидѣлъ Ново-Черкасскъ!..

Церковь показалась прежде всего; при взглядѣ на нее я сотворилъ молитву... Не считя за лицемѣріе этого откровеннаго моего признанія. Представь,—вѣдь вѣхалъ «юноша», по волѣ Государя, въ первый разъ на должность,—юноша, взятый на седьмомъ году отъ отца и матери въ школу, подъ Царское крыло, гдѣшнее и хранившее его цѣлые шестнадцать лѣтъ,—вѣхалъ въ городъ, дальній и отъ родины и отъ мѣста образованія: представь это, и не удивишься, если была тронута душа при видѣ города, гдѣ въ первые суждено было мнѣ начать свою службу Царю. Поколебалось сердце; не стало въ немъ силъ; не нашлось крѣпости... И вотъ, какъ будто въ успокоеніе волнующихся мыслей, возстала Церковь на пріявіе новому члену общества; она махала тебѣ къ нему, какъ отецъ къ своему сыну и говорила: «миръ тебѣ!» Благословенна Россія! Вездѣ, на ея землѣ, прежде виднѣется крестъ Церкви, потомъ дома и послѣ уже люди,—это знакъ того, что вѣра первый спаситель Русскаго человека; что безъ

нея не увидитъ онъ ни роднаго дома, ни родимыхъ родителей, ни всѣхъ присныхъ сердцу...

Основанный благословіемъ Церкви, я сталъ смѣлѣе въ душѣ; началъ шутить съ ящичкомъ, наставляя, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ.

Дорога отъ послѣдней станціи идетъ все подъ гору; стелются тѣ же степи, о которыхъ я говорилъ тебѣ, въ первомъ письмѣ; покатость оканчивается у самаго Ново-Черкасска. А вотъ и онъ, давно желанный Ново-Черкаскъ.

Предо мною гора; у подошвы ея течетъ рѣка; на гору ведетъ широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой довольно видныя дома; подымаюсь медленно на довольно большую гору; вотъ триумфальныя ворота: на нихъ огромными буквами выбито незабвенное имя Александра I-го. Взглянувъ на благословенное имя, я представлялъ себѣ послѣдній повѣздъ Государя Александра I-го въ Таганрогъ, Его смерть и ту печальную колесницу, на которой отправлено было въ Петербургъ почившее вѣчнымъ сномъ тѣло Монарха....

Мимо меня пролетѣли на лошадахъ два Донца; какъ стрѣла пронеслись они; вотъ ихъ уже нѣтъ, а топотъ все еще отзывается въ моихъ ушахъ.... Теперь я окончательно понялъ, что прибылъ въ столицу Войска Донскаго.

Нужно ли описывать тебѣ мое представленіе къ начальству и къ моимъ товарищамъ по службѣ?.. Все, что ни происходило со мною теперь, трогало меня до глубины души; потому что все было ново и въ первый разъ... Въ первый разъ я шелъ какъ должностной человѣкъ—и подорожная и вицъ-мундиръ съ бѣлыми пуговицами: все это говорило, что настала пора службы.

Вечеру я вышелъ гулять впервые по Ново-Черкаску. Гдѣ я ни проходилъ, вездѣ меня поражала опрятность, чистота; улицы—широкія, просторныя и свѣтлыя; дома есть даже Петербургскіе.

Передо мною большая широкая улица, идущая чрезъ весь почти городъ; на ней стоитъ честь и краса Ново-Черкасска—огромный домъ, который и въ Петербургѣ, на самомъ Невскомъ проспектѣ, занялъ бы почетное мѣсто,—большой трехъ-этажный квадратный каменный домъ гордо высится надъ всеми другими строеніями; на немъ крупнѣйшими золотыми литерами написано: «Вой-

сковья Присутственные мѣста».—Я довольно проѣзжалъ губерній и городовъ; но подобнаго дома нигдѣ не видалъ; здѣшній домъ—заглядывъе; о величинѣ его можешь судить, если представишь, что почти за семьнадцать верстъ онъ видѣнь... Не забудь, что я описываю тебѣ свою первую прогулку по Ново-Черкасску и первая свои чувстваванія: строго не будь!

Идя далѣе по занявшей меня улицѣ, я замѣтилъ паркъ, похожій на Александровскій, что подлѣ Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ: такая же деревянная рѣшетка, такіа же деревья, почти такая же бесѣдка. Къ саду примыкали лавки... Здѣсь же стоялъ памятникъ. Кому? Я не зналъ...

Сжавъ перначь въ лѣвой рукѣ, протянутой вверхъ, а правую съ обнаженною шашкою прижавъ къ бедру, разметавъ казацкую бурку и гордо поднимавъ голову—дивный воинъ стоялъ на мраморномъ черномъ пьедесталѣ. Его устремленныя вдаль очи, грозная осанка, богатырская, могучая грудь, руки: все ясно давало чувствовать, что онъ—сынъ и мужъ битвы, готовый въ сей же мигъ летѣть на врага. Суворовская, Русская мощь, бившаяся въ каждой чертѣ война—героя, казалось, вызывала на бой и громко говорила: «впередъ!...»

Кто же онъ, этотъ величественный воинъ?.. Читай, мой другъ, читай надпись: «Атаману Графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годы—признательные Донцы»... Мое слово не въ силахъ выскзвать всѣхъ мыслей и чувствованій, закинувшихъ теперь во мнѣ... Мальчиномъ, мальчиномъ я почувствовалъ себя, при взглядѣ на могучаго Платова;—стоя у подножія этого мужественнаго ратника, грозы дѣйствительно грознаго Наполеона I, я не нашелъ словъ въ своемъ сердцѣ для привѣтствія незабвенному въ исторіи Россіи и въ сердцѣ каждаго Русскаго Атаману Войска Донскаго... Такъ пусть же «Пѣвецъ во ставѣ Русскихъ воиновъ» на своей «боевой лирѣ» прогремить ему пѣснь:

«Хвала, нашъ вихорь Атаманъ,
Вожь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,

Бѣдой имъ въ уши свистеть!
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплють стралы!
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ!
Лишь къ селамъ—пышутъ селы!

Отъ поразившаго меня памятникъ я уже не желалъ ни ти дѣ-
лѣ, а наступившіе сумерки заставили отправиться домой...

Прощай, добрый товарищъ!

1 Февраля, 1856 года.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Ты, другъ мой, читалъ «Путешествіе въ Россію и Крымъ, со-
вершенное въ 1837 году Анатолиемъ Демидовымъ;» и, я думаю,
остановился на слѣдующемъ его описаніи Ново-Черкасска: «мы при-
были въ главный городъ Донскаго Войска—Ново-Черкасскъ. Глядя
издали на бѣлые (?) дома этого города, расположенные по холму,
выдающемуся въ равнину, на подобіе мыса, находишь, что они
похожи на большое стадо овецъ, которыя разбрелись на обшир-
номъ пространствѣ и щиплютъ траву... Дома здѣсь маленькіе,
обмазанные яркою бѣлою краскою, дѣйствующею весьма вредно
на зрѣніе (*).» Истинны въ этомъ описаніи не нищ.

Ново-Черкасскъ лежитъ среди степей на высокомъ, длинномъ,
широкомъ, а въ иныхъ мѣстахъ, перерезанномъ балками (т. е. рва-
ми) холму; весь холмъ съ верху до низу застроенъ домами, и, какъ
лентами, пересѣченъ прямыми улицами. Домовъ, которые похожи
на большое стадо овецъ, щиплющихъ траву, здѣсь вовсе нѣтъ.
Весьма мало и такихъ, которые обмазаны яркою бѣлою краскою.
Много тутъ улицъ, гдѣ стоятъ исключительно красивенькіе желтые
деревянные домики. Я не заматриваюсь на каменные двух-этаж-
ные и одноэтажные дома, съ черепичнымъ или жестяными
крышами: на нихъ видна искусственность и архитектура щеголе-
ватая. Я люблюсь небольшою и свѣтлою деревянною избою, гдѣ тру-
дится обыкновенный смѣтливый Русскій умъ и Русская расчетли-
вая рука...

Ты отъ души полюбишься, смотря на эти скромные и небо-
льшіе домики, чѣсто съ тремя окнами, опрятные, свѣтлые и ве-
селые на видъ, крѣпкіе по устройству. Домъ внутри просто
игрушечка; какъ за конемъ, неразлучнымъ спутникомъ боевой жиз-
ни, улаживаетъ Донецъ за избою, родимымъ угломъ своимъ, посто-

---

(*) Путешествіе въ Южную Россію и Крымъ Анатолія Демидова. Стр. 310.

яннымъ спутникомъ мирной, семейной жизни; войдя въ домъ, ты долго будешь зсматриваться на это множество банокъ со цвѣтами, на эту изящную мебель, красные столики съ лежащими на нихъ пестрыми салфетками, на эти плетенные стулья, большія зеркала, лакированный, а часто и паркетный полъ, на эти красные ковры, которыми устланы чуть не всѣ комнаты. Сколько мыслей о религіозности казаковъ пробудятся въ тебѣ, когда помотришь на дорогія кюты съ посеребренными и позлащенными канделябрами (т. е. лампадами)? Не одинъ уголь, а почти все пространство около него уставлено иконами, и всѣ онѣ подъ золотою или серебряною ризою... Я знаю дома, гдѣ лампада негасимо тлеетъ предъ образомъ. Потому-то, я думаю, ты особенно будешь недоволенъ слѣдующимъ отзывомъ Демидова объ образѣ жизни Донцовъ: «Жилища у Донцовъ крайне бѣдныя, одежда плохая; они не опрятны до чрезвычайности (*)...» Увѣряю тебя, что у меня не хватаетъ духу даже переписывать этотъ несправедливый и жестоко-обидный отзывъ; опровергать же его не стану: потому что самъ еще мало жилъ въ Ново-Черкасскѣ, а съ жизнью другихъ станицъ знакомъ еще менѣе. Но не могу не замѣтить, что я какъ сначала, такъ и теперь съ изумленіемъ смотрю на одежду казачекъ,—не плохая она, какъ сказалъ г. Демидовъ;—тутъ въ плохой одеждѣ не ходятъ,—а дорогая одежда, щеголеватая, роскошная. Длинная шуба на лисьемъ мѣху, покрытая полосатымъ шелкомъ, коцавейка, опушенная на воротникѣ и лифѣ или бобримъ или бѣлкою, повязка на головѣ, которая тоже шелковая: вотъ праздничный нарядъ простой казачки! Для Русскаго глаза, привыкшаго видѣть пестрые сѣтцевые платки и платья, бѣлыя безобразныя наметки, пеньковые сарафаны, для такого глаза праздничный нарядъ простой казачки—загляденье. Разумѣется, теперь уже я не удивляюсь взяществу и дороговизнѣ наряда казачекъ: къ чему человѣкъ не присматривается?!..

Черезъ городъ не протекаетъ ни одной рѣчки: желанный, полный поэзіи, Донъ течетъ въ Старомъ Черкасскѣ за двадцать слишкомъ верстъ отъ насъ; небольшія рѣчки—Тузовъ и Аксай орошаютъ Ново-Черкасскъ около подошвы холма. Ожидая пить Донскую воду и

(*) Путешествіе въ Южн. Россію и Крымъ А. Демидова. Стр. 310.